

как аксиологической конвенции гармоничного семейного общения. Косвенное подтверждение находим в художественной литературе, где перформативы *приказываю* и *прошу* не противопоставляют речевые жанры, а используются в одном высказывании, сигнализируя очаг напряжения:

— *Бабушка! я не буду просить у него прощения ни за что... — сказал я, вдруг останавливаясь, чувствуя, что не в состоянии буду удержать слёз, давивших меня, ежели скажу ещё одно слово.*

— *Я приказываю тебе, я прошу тебя. Что же ты?*

— *Я... я... не... хочу... я не могу, — проговорил я, и сдержанные рыдания, накопившиеся в моей груди, вдруг опрокинули преграду, удерживавшую их, и разразились отчаянным потоком* [НКРЯ; Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)].

Собранные нами, а также опубликованные И.В. Шалиной материалы показывают, что употребление перформативов *приказываю*, *прошу*, *требую*, *советую* коммуникативно ограничено в гармоничном семейном общении. Причины ограничений имеют аксиологический, ценностно-коммуникативный характер и должны быть изучены более подробно. На данном этапе исследования считаем, что члены семьи в ситуации открытой речевых жанровой интерпретации высказывания адресанта находят для себя наиболее удобную интерпретацию, сохраняя личное пространство в той мере, которая представляется уместной адресату. Другими словами, в гармоничном семейном общении адресат, как правило, сам решает, считать ли ему высказывание требованием или просьбой, советом или приказом.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Шалина И. В.* Диалогические и монологические тексты: электронная база данных (на материале уральского городского просторечия) [электронный ресурс] Екатеринбург, 2012. Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/4452>

2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] – 2003–2020. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html>

Дао Динь Тхао  
аспирант

## МОЛЧАНИЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Фразеология отражает ментально значимые представления языкового коллектива о процессе речевого общения. Материал лингвоаксиологического исследования – извлеченные методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка [ФСРЯ 1978; ФССРЛЯ 2004; ФСРЛЯ 2008 и др.] ус-

тойчивые единицы, значение которых включает семы 'язык', 'речь'. Сформировалась тематическая группа «Речь человека и речевое общение», внутри которой выделено 16 подгрупп. В докладе представлены результаты исследования особой тематической подгруппы «Молчание, коммуникативная сдержанность». Словарные толкования и соответствующие стилистические пометы транслируют имплицитные ценностные суждения и установки, направленные на обеспечение кооперативной речевой коммуникации.

В обыденном сознании носителей русской лингвокультуры молчание получает неоднозначную оценку. С одной стороны, одобрительно оценивается молчание как проявление коммуникативной сдержанности, обдуманности (*держат язык за зубами; без дальних разговоров; не говоря дурного слова* и др.). Фразеологическая семантика передает имплицитные суждения: осторожность и сдержанность полезны; каждая реплика говорящего должна быть уместной.

С другой стороны, неодобрительно оценивается молчание как следствие коммуникативной робости (*проглотить слова; набрать в рот воды; слова не вытянешь* и др.). Коммуникативный запрет: нельзя полностью отдавать собеседнику речевую инициативу; не молчи: длительная пауза ставит тебя в неловкое положение. Установка-предостережение: помни: сильное волнение затрудняет речь и даже лишает способности говорить.

Коммуникативное давление (принуждение к молчанию) воспринимается как антиценность (*наступать на язык; хватать за язык* и др.).

Неодобрительное отношение вызывает речевая тактика намеренного сокрытия информации, за которой, предположительно, скрывается неискренность и даже ложь (*заговор молчания; обходить / обойти молчанием* и др.).

Таким образом, молчание как «нулевое» речевое действие и особая тактика оценивается и характеризуется в зависимости от причины, заставляющей говорящего молчать / замолчать. Как правило, внезапное прекращение процесса говорения обусловлено эмоционально-психологически, в отдельных случаях — предметной ситуацией. Особо выделяется лингвокультурный типаж молчуна — молчаливого, некоммуникабельного человека, не поддающегося давлению партнера. Ментально-специфический речевой портрет молчуна можно воспроизвести по данным русской афористики.

## ЛИТЕРАТУРА

1. ФСРЯ. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. М. : Изд-во «Русский язык», 1978.
2. ФССРЯ. Фразеологический словарь современного литературного русского языка / под ред. А. Н. Тихонова: в 2 т. М. : Флинта: Наука, 2004.
3. ФСРЛЯ. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. М. : Астрель, АСТ, 2008.